

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА НОВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

В.И. Батюк

Институт США и Канады Российской Академии Наук
Хлебный пер., 2/3, Москва, Россия, 123995

Военная политика администрации Б. Обамы развивается в русле тех тенденций, которые наметились еще в последние годы пребывания у власти Дж. Буша-младшего. Проблемы, с которым столкнулся официальный Вашингтон на международной арене, заставили американские правящие круги пересмотреть свой односторонний подход к мировой политике, уделив больше внимания отношениям с союзниками и партнерами, а также операциям по стабилизации в кризисных регионах.

Ключевые слова: международные отношения, США, военная политика, безопасность.

Новая американская администрация — администрация Барака Обамы — находится у власти всего год, и она еще не успела сформулировать свои доктринальные установки в области национальной безопасности. По всей видимости, на протяжении 2010 г. будут приняты Стратегия национальной безопасности, Национальная оборонная стратегия, Национальная военная стратегия, Четырехлетний обзор военной политики, Обзор состояния ядерных вооружений и другие директивные документы, на основе которых американское военно-политическое руководство и будет определять свою военную политику.

Тем не менее, уже теперь можно сделать определенные выводы о том направлении, в котором будет эволюционировать военная политика новой администрации.

Как нам представляется, это направление наметилось еще в последние годы пребывания у власти Дж. Буша-младшего. Поэтому вначале следует сказать несколько слов о тех взглядах на военную политику, которых придерживалась администрация предшественника Обамы. Эти взгляды определялись так называемыми «неоконсерваторами», которые заняли ключевые посты в администрации Буша (о феномене американского неоконсерватизма подробнее см.: [1. С. 151—177]). Такие ведущие неоконсервативные исследовательские центры, как Американский предпринимательский институт и Проект «Новый американский век», стали ос-

новными поставщиками высокопоставленных сотрудников для Белого дома при прежней администрации — достаточно указать на вице-президента Р. Чейни, министра обороны Д. Рамсфелда, заместителя министра обороны П. Вулфовица, заместителя государственного секретаря Дж. Болтона, спичрайтера президента Д. Фрама и др.

Военная доктрина неоконсерваторов должна была обеспечить проводимую ими политику глобальной демократической трансформации и, следовательно, закрепление американского лидерства в постбиполярном мире. Как отметил директор научных исследований Центра европейской политики в Брюсселе Ф. Кэмерон, «неоконсерваторы в президентской администрации (Д. Рамсфелд, Р. Чейни, П. Вулфовиц и др.) перехватили инициативу во внешней политике США и свели все к узкой повестке дня, в которой военная сила становится первоочередным инструментом политики, точки зрения других государств не принимаются во внимание, а международные инструменты игнорируются» [4. С. 69].

Главную ставку неоконсерваторы сделали на так называемую «революцию в военном деле», которая была призвана обеспечить подавляющее американское военно-техническое превосходство (См.: [12]). Шеф Пентагона и его люди, будучи страстными энтузиастами «революции в военном деле», были твердо уверены в том, что именно передовые, и прежде всего информационные, технологии — ключ к американскому абсолютному военному превосходству в XXI веке.

Предполагалось, что американские вооруженные силы, в соответствии с неоконсервативными концепциями, должны применяться прежде всего против «тиранов» из «оси зла», угнетающих «свободолюбивые народы». И стоит только с американской военной помощью свергнуть этих тиранов, освобожденные народы незамедлительно сделают-де выбор в пользу демократии по-американски, что избавит официальный Вашингтон от необходимости тратить огромные силы и средства и, в том числе, привлекать многочисленные вооруженные силы для постконфликтного урегулирования. «Буш пришел к власти, резко критикуя администрацию Клинтона за использование вооруженных сил для решения таких несвойственных им задач, как «строительство наций», — указывает в этой связи директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов. — По утверждению республиканских стратегов, задача вооруженных сил заключалась в том, чтобы вести войну, а не заниматься миротворчеством» [5. С. 21].

Неоконсерваторы внесли большой вклад и в формирование американской ядерной стратегии. Намерение администрации Дж. Буша-младшего существенно сократить общее количество ядерных вооружений, с одной стороны, и новые угрозы национальной безопасности США, столь драматически проявившиеся 11 сентября 2001 г. — с другой, не могли не сказаться и на стратегическом ядерном планировании Соединенных Штатов. В «Обзоре состояния ядерных вооружений» (Nuclear Posture Review), утвержденном в январе 2002 г., нашли отражение многие представления неоконсерваторов о целях американского ядерного планирования в XXI веке.

Комментируя этот секретный документ, помощник министра обороны США по политике в области международной безопасности Дж. Кроуч отметил, что в изменившихся международных условиях Вашингтон счел возможным резко сократить общее количество развернутых стратегических боезарядов (до 1700—2200 единиц), уделяя одновременно повышенное внимание стратегической обороне, развитию обычного высокоточного оружия, способного выполнять стратегические задачи, а также повышению гибкости, приспособляемости и возможности быстрого перенацеливания американских стратегических ядерных сил.

Таким образом, в «Обзоре состояния ядерных вооружений» проводилась концепция новой американской стратегической триады, которая, по мнению американского военно-политического руководства, должна была состоять из следующих компонентов: 1) стратегические наступательные вооружения; 2) стратегическая оборона; 3) новая стратегическая инфраструктура (См.: [19]).

Свидетельством уверенности официального Вашингтона в сохранении абсолютного американского стратегического ядерного превосходства в любой обозримой перспективе стала идея силового «контрраспространения» оружия массового уничтожения. Для обеспечения практической реализации этой концепции в «Ядерном обзоре 2001» значительное место было уделено обоснованию необходимости создания специализированного ядерного оружия малой мощности (до 5 килотонн тротилового эквивалента) для поражения помещенных на большую глубину сильно укрепленных целей. Реализация этих планов привела бы к снижению порога применения ядерного оружия в конфликтах регионального уровня (См.: [11]).

Реализация данных планов США привела бы к полному разрушению режимов контроля над ядерными вооружениями и нераспространения ядерного оружия, но это, по всей видимости, не очень заботило неоконсерваторов. По их мнению, с окончанием «холодной войны» время традиционного контроля над вооружениями истекло, и в нынешних условиях Соединенные Штаты не должны быть ограничены нормами международного права в своей военно-технической политике.

Таким образом, на протяжении нескольких лет неоконсерваторы сумели основательно пересмотреть — в соответствии со своими взглядами — как стратегию национальной безопасности, так и национальную оборонную стратегию, а также разработать на ее основе национальную военную стратегию. Была серьезно обновлена и американская ядерная стратегия. При этом практически все рекомендации неоконсервативных исследовательских центров были учтены, идет ли речь о ядерной стратегии или о модернизации обычных вооруженных сил. Каковы же практические результаты этой неоконсервативной революции в военном деле?

Выше уже говорилось о том, что при формировании своей стратегии национальной безопасности и, соответственно, оборонной стратегии неоконсерваторы исходили из незыблемости однополярного мира в любом обозримом будущем. Так, неоконсервативная ядерная стратегия постулировала подавляющее американское стратегическое превосходство в любой обозримой перспективе.

Действительность, однако, оказалась не такой, как рассчитывали политики. В последнее время в американских официальных кругах с тревогой говорят о возрождении российской военной, в том числе стратегической, мощи.

Так, выступая в подкомитете сената по разведке, начальник разведывательно-го управления министерства обороны США М. Мэйплс заявил: «Россия полагается на свои ядерные вооружения как на главное средство сдерживания и продолжит поддерживать и совершенствовать свои силы и боеголовки... Осуществляется несколько программ по модернизации этих сил, с тем чтобы они могли выполнить будущие задачи, с особым упором на межконтинентальную баллистическую ракету СС-27 и БРПЛ «Булава»... Россия остается приверженной поддержанию внушительных стратегических сил в качестве надежного средства ядерного сдерживания и символа великой державы... В 2006 г. Россия начала развертывание своей новой межконтинентальной баллистической ракеты СС-27 с мобильным стартом; ожидается начало развертывания ракет шахтного базирования» (См.: [15]).

Разрушение режима контроля над вооружениями не привело к укреплению американского лидерства в мире: результатом стал рост международной напряженности и возобновление гонки вооружений. Так, в ответ на планы развертывания третьего позиционного района ПРО США в Восточной Европе президент Д.А. Медведев заявил в ноябре 2008 г., что Россия откажется от снятия с боевого дежурства трех полков межконтинентальных баллистических ракет и разместит в Калининградской области ракетный комплекс «Искандер».

Но не только укрепление российского стратегического потенциала вызывает опасения у официального Вашингтона. В последние годы предметом особой озабоченности американских кругов стал рост китайского военно-стратегического и военно-космического потенциала.

Так, в июне 2005 г. американская разведка зафиксировала успешное испытание китайской БРПЛ класса JL-2 (морская версия китайской МБР DF-31). Эта ракета способна поразить цель на расстоянии до 10 000 км; иными словами, китайские атомные субмарины нового поколения будут способны нанести удар по Соединенным Штатам, находясь вблизи китайских берегов, под защитой ВМФ и ВВС КНР.

В 2009 г. предполагается принять на вооружение вторую китайскую атомную субмарину с баллистическими ракетами на борту. Кроме того, осуществляется программа по переоснащению китайских межконтинентальных баллистических ракет разделяющимися головными частями индивидуального наведения и средствами прорыва противоракетной обороны. Тем самым Китай восстанавливает свою способность к ядерному сдерживанию США, которая была нарушена в результате развертывания двух позиционных районов стратегической ПРО США в Калифорнии и на Аляске.

Новым поводом для озабоченности официального Вашингтона стало успешное испытание китайского противоспутникового оружия в январе 2007 г.: Пекин

таким образом продемонстрировал свою способность бросить вызов американскому доминированию в космосе.

Кроме того, в последние годы Китай начал быстрыми темпами наращивать свой конвенциональный наступательный потенциал, приняв на вооружение новейшие образцы надводных кораблей (эсминцы класса «Современный»), подводных лодок (класса «Кило»), противокорабельных крылатых ракет (класса SS-N-23 «Солнечный ожог») и истребителей-бомбардировщиков (класса Су-27 и Су-30).

Особую тревогу у американских военных вызвало появление в Китае ракет класса CSS-5, способных с высокой точностью поражать американские авианосные группировки. В опубликованном в марте 2008 г. докладе Пентагона «Военная мощь Китайской Народной Республики. 2008» с тревогой говорится о том, что все эти перемены в НОАК свидетельствуют о намерении китайских военных нейтрализовать американское военно-техническое превосходство в акватории Тихого океана, прилегающей к побережью КНР.

«Китайский подход предполагает уничтожение либо нарушение военных коммуникационных сетей Соединенных Штатов и упреждающие атаки до того момента, пока эти атаки или даже просто их угроза не поднимут планы расходов США на ведение боевых действий до недопустимого уровня, — отмечает американский военный эксперт Э. Крепиневич. — Усилия КНР направлены на разработку и развертывание того, что военные аналитики США называют потенциалом «изоляции района военных действий».

В общем, китайские силы такого рода стремятся лишить войска Соединенных Штатов возможности вести операции с передовых баз, таких, в частности, как авиабаза «Кадена» на Окинаве или военно-воздушная база «Андерсен» на острове Гуам. Китайцы, например, развертывают большое количество баллистических ракет с неядерными боеголовками, способных наносить удары по этим базам с высокой степенью точности» [4].

Как отмечается в «Национальной оборонной стратегии», утвержденной министром обороны США в июне 2008 г., именно Китай и Россия представляют собой главный вызов военной безопасности Соединенных Штатов: «Китай — одно из поднимающихся государств, обладающее потенциалом для противоборства с Соединенными Штатами. В обозримом будущем мы должны будем принять меры предосторожности против ускоряющейся китайской военной модернизации и последствий стратегического влияния этой страны на международную безопасность. Отход России от открытости и демократии также может иметь значительные последствия для безопасности Соединенных Штатов, наших европейских союзников и партнеров в других регионах. Россия использует в качестве рычага свои доходы от энергетических ресурсов и доступ к ним же, заявила о своих претензиях в Арктике, и она продолжает угрожать своим соседям — все это является причинами для озабоченности. Россия также начала проводить более активную военную политику, включая возобновление полетов дальних бомбардировщиков, выход из соглашений по контролю над вооружениями и ограничению вооружен-

ных сил и даже угрозы нацелить свои вооружения на страны, намеревающиеся разместить американские противоракетные базы» [9. Р. 2—3].

Таким образом, ставка неоконсерваторов на абсолютное американское военно-техническое превосходство оказалась битой: суперсовременная американская военная техника не смогла предотвратить неудач американских войск в ходе партизанской войны на афгано-пакистанской границе и в иракских городах. Доктрина «кнопочной войны» уже в который раз продемонстрировала свою несостоятельность. Наконец, вопреки ожиданиям неоконсерваторов, XXI век оказался не новым Рах Аметисана, а эпохой возрождения многополярности, периодом появления новых центров силы, вроде России или Китая.

Эти неудачи объясняются недостижимостью тех политических целей, которые американские политики поставили перед американскими военными: принести на штыках демократию «Большому Ближнему Востоку», а затем и всему миру.

Сказанное не означает, что американский опыт трансформации вооруженных сил не заслуживает внимания. Ведь неспособность американских военных выполнить поставленные перед ними задачи в Афганистане и Ираке объясняется не их низкой технической оснащенностью или устаревшей организационно-штатной структурой; причина этому — в нереальности и принципиальной недостижимости целей, поставленных перед вооруженными силами США официальным Вашингтоном.

В то же время многие тактические и технические новинки, которые были опробованы американцами в последние годы, доказали свою полезность в новых исторических условиях постбиполярного мира, когда в подавляющем большинстве вооруженных конфликтов в мире основными участниками являются иррегулярные военизированные структуры. В этой связи следует указать на новое американское оперативное соединение, ударную бригаду (или, точнее, «мобильную боевую группу бригадного состава»), которое было опробовано в ходе войны в Ираке. По замыслу американских военных, ударная бригада должна в течение 72 часов действовать в отрыве от главных сил против любого — традиционного или нетрадиционного (партизаны, повстанцы, террористы) — противника, в ходе конфликта любой степени интенсивности, от традиционной войны до миротворческой операции, и на любой местности, включая густонаселенные городские районы с недружественным населением [10. Р. 28—37]. Кроме того, на вооружение американских военных за последние годы поступили такие новейшие образцы военной техники, как цифровая система боевого управления бригадного уровня, боевая машина «Страйкер», десантные катамараны класса «Свифт», истребитель-бомбардировщик пятого поколения F-22 «Рэптор» и многое другое.

Таким образом, расчет на то, что абсолютное американское военное превосходство в мире позволит официальному Вашингтону решить все свои внешнеполитические проблемы, оказался несостоятельным. В этих условиях американские правящие круги были вынуждены пойти на серьезную переоценку как своей стратегии национальной безопасности, так и своей военной политики.

Прежде всего, американское военно-политическое руководство было вынуждено пересмотреть свои планы по глобальной демократической революции. Столкнувшись с тупиковой ситуацией в Ираке, американские военные власти были фактически вынуждены нанять иракские советы племен, используя их вооруженные ополчения («сахва») для борьбы против международных террористов, и прежде всего ячеек «Аль-Каиды», действующих в стране.

В результате американцам удалось достичь того, чего они не могли добиться с марта 2003 г. — иракцы наконец-то объединились и дали отпор сторонникам Усамы Бен Ладена. Однако за этот успех пришлось заплатить дорогой ценой — ценой отказа от провозглашенной официальным Вашингтоном цели демократизации Ирака по западному образцу. Не демократически избранные власти Ирака, а такие архаические структуры, как советы племен — вот на кого теперь опираются американские военные в стране. И именно советы племен и их «полевые командиры», вроде Муктады-ас-Садра, будут реальной властью в Ираке после вывода оттуда американских войск.

В какой мере эту власть можно будет считать «демократичной»? Иракские избиратели предпочитают голосовать не за либеральных политиков, а за религиозных фундаменталистов, отстаивающих интересы только своей этнической или религиозной группы. В стране резко понизился уровень толерантности: столь обычные в довоенном Ираке межконфессиональные (между суннитами и шиитами) браки более не заключаются. Ухудшилось и положение женщин в стране, где господствуют все более фундаменталистские настроения: иракские женщины лишились многих прав и свобод, которыми они обладали при Саддаме Хусейне.

Впрочем, сейчас американским властям не до политкорректности: необходимо любой ценой выбраться из иракской трясины для того, чтобы перебросить высвободившиеся войска в другую «горячую точку» — Афганистан. В марте 2009 г. был опубликован «Доклад межведомственной группы по американской политике в отношении Афганистана и Пакистана» (White Paper of the Interagency Policy Group's Report on U.S. Policy toward Afghanistan and Pakistan), в котором утверждалось, что действия экстремистов в Афганистане и Пакистане представляют угрозу жизненно важным национальным интересам Соединенных Штатов. Характерно, что в этом документе только один раз было употреблено слово «демократия», и то лишь применительно к Пакистану; что касается Афганистана, то целью американской политики в этой стране провозглашено формирование «более дееспособного, ответственного и эффективного правительства». Таким образом, и в этой стране официальный Вашингтон отказался от задачи построить демократию по-американски, отдав предпочтение «эффективности» и «дееспособности» местной власти.

Впрочем, в настоящее время официальный Вашингтон, по всей видимости, отказался от политики насильственного насаждения демократических режимов не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в глобальном масштабе. Выступая 23 сентября 2009 г. на Генеральной Ассамблее ООН, президент Б. Обама сказал: «Демократия не может быть навязана извне ни одной стране. Каждое об-

щество должно искать свой собственный способ, и ни один способ не является совершенным. Каждая страна должна пройти свой собственный путь, исходя из культуры своего народа и своих прошлых традиций» (См.: [18]).

Американские круги, ради сохранения международных позиций Соединенных Штатов, готовы предпочесть лояльность и стабильность проамериканских режимов их соответствию критериям либеральной демократии. Сняв лозунг «глобальной демократической революции», американское военно-политическое руководство готово теперь поддерживать отношения с такими экзотическими союзниками, как иранские и афганские племенные вожди и полевые командиры. Не исключены в этих условиях и контакты и связи и с «умеренными» талибами в Афганистане.

Американские военные достаточно долго добивались снятия этой дополнительной политической «нагрузки» в виде требования нести «демократию» всему миру на американских штыках.

Как подчеркнул в своей статье министр обороны Р. Гейтс, «Соединенные Штаты — сильнейшая и величайшая нация на Земле, но все же есть пределы того, что мы можем сделать... Не каждое насилие, не каждый акт агрессии, не каждый кризис может или должен вызывать военный ответ со стороны США. Мы должны проявлять скромность относительно того, чего может добиться с помощью военной мощи или технологии». В этой связи в статье прямо говорилось о том, что в ближайшее время Соединенные Штаты вряд ли смогут позволить себе «смену режимов» и «строительство демократий» по афганскому или иракскому сценариям. Вот почему, по словам шефа Пентагона, американская стратегия должна сделать ставку на непрямые действия, используя возможности союзных и партнерских государств и их сил безопасности: «Возможности союзников и партнеров Соединенных Штатов могут быть столь же важными, что и наши, и увеличение этих возможностей будет иметь столь же большое значение, что и участие самих США в военных действиях» (См.: [13]).

Идет пересмотр и подходов руководства Пентагона к таким понятиям, как «трансформация» и «революция в военном деле». Опыт Ирака и Афганистана показал, что самая суперсовременная техника не может заменить солдат на поле боя. Вот почему американский оборонный бюджет на 2010 г., подписанный президентом Обамой 29 октября 2009 г., предусматривает, с одной стороны, увеличение расходов на содержание военнослужащих на 11 млрд долл., для того чтобы осуществить увеличение численности сухопутных войск и корпуса морской пехоты до, соответственно, 547 тыс. и 202 тыс. военнослужащих до конца 2010 г., что на 90 тыс. чел. больше, чем в 2006 г. С другой стороны, несколько программ по разработке или закупке новейших видов вооружений будут заморожены или отложены на неопределенный срок. Среди них — разработка нового стратегического бомбардировщика, закупка эсминцев класса DDG-1000, новейшего крейсера класса CG-X, стратегической противоракеты класса MKV, истребителя-бомбардировщика пятого поколения F-22 Raptor. Средств на эти перспективные военные программы не нашлось, но бюджет 2010 г. предусматривает выделение

1,3 млрд долл., которые будут израсходованы в рамках «Программы экстренного ответа командования (Commander's Emergency Response Program)». Программа предусматривает не только финансирование срочного восстановления объектов инфраструктуры в Афганистане, но и поощрение боевиков «Талибана», складывающих оружие. А всего на подготовку и оснащение афганских сил безопасности американцы потратят в следующем финансовом году 7,5 млрд долл. (См.: [14]).

«Американцы вместо подготовки к борьбе с традиционными противниками вроде бывшего Советского Союза сосредоточатся на отработке операций против повстанцев и по отражению «неконвенциональных», то есть не соответствующих традиционным нормам угроз, — делает вывод российский исследователь Д.А. Володин. — Считается, что пока Пентагон и военно-промышленный комплекс уделяют недостаточное внимание этому вопросу. Да и сам американский военный опыт последних сорока лет плохо соотносится с традиционным пониманием военных конфликтов» (См.: [2]).

Американским военным пришлось отказаться и от пренебрежительного отношения к «нациестроительству», характерного для министерства Рамсфелда. Переломным моментом стало появление в феврале 2008 г. нового полевого устава — FM 3-07 Stability Operations, в котором впервые содержалось положение о том, что обеспечение безопасности гражданского населения и послевоенной стабилизации является не менее важной задачей, чем достижение военной победы. «С публикацией в феврале 2008 г. FM 3-07 операции по стабилизации получают, в глазах командования сухопутных войск, одинаковый статус с оборонительными и наступательными операциями, — отмечают в своей статье в журнале «Милитари ревью» генерал-лейтенант У. Колдвелл и подполковник С. Леонард, авторы этого нового полевого устава. — Тем самым армейское командование, по сути дела, признало, что формирование гражданской ситуации через операции по стабилизации зачастую более важны, чем победы в боях и сражениях» [6. Р. 9].

Следует отметить в этой связи, что новый полевой устав не остался на бумаге. Уже теперь некоторые американские армейские офицеры сетуют на то, что подготовка к операциям по стабилизации проводится столь интенсивно, что у американских военных не остается сил и времени для «традиционной» боевой подготовки.

«Боевые бригадные группы сухопутных войск, готовящиеся к переброске в Ирак и Афганистан в Форте Ирвин в Калифорнии и в Форте Полк, Луизиана, готовятся лишь к контрповстанческим операциям, — отмечает, в частности, в своей статье в журнале «Джойнт форсез куортерли» полковник Дж. Джентил. — Вместо того чтобы проводить свое время в учениях батальонного и бригадного уровней с целью подготовки к войне с потенциальным противником, они обучаются обустройству деревень и особенностям межкультурной коммуникации с местным населением». Джентил делает вывод о том, что, готовясь к проведению операций по стабилизации, американские вооруженные силы могут утратить навыки вести войну с хорошо вооруженной и обученной неприятельской армией. «Зрелище гру-

зинской пехоты, убегающей от вражеского огня и колонн идущих в атаку русских танков, показывает нам, что время, когда армии противостояли друг другу на поле боя, еще не прошло», — отмечает в этой связи американский полковник [7. Р. 31].

В ответной статье в том же номере данного журнала подполковник Дж. Нэгл резонно отметил, что американские вооруженные силы не могут рассчитывать на то, что противник всегда будет воевать так, как этого хотят в Пентагоне: «Американские военные не могут по своей воле отказаться от участия в иррегулярной войне, и на сухопутных войсках лежит ответственность — быть готовыми к этой роли, насколько это возможно. Это безответственно — рассчитывать на то, что нынешние и будущие противники будут подыгрывать Америке, ведя обычную войну, вместо того чтобы использовать проверенные временем, малозатратные, инсургентские асимметричные стратегии» [8. Р. 25—26].

Серьезные перемены происходят и в американской ядерной стратегии. Так, официальный Вашингтон свернул вышеупомянутую программу создания сверхмалых ядерных боеприпасов; более того, в американских кругах в последние годы все больше крепнут настроения в пользу коренного пересмотра той ядерной стратегии, которая была разработана «неоконами» в начале XXI в. Знаковым событием тут стала статья в «Уолл-стрит джорнел» от 15 января 2008 г., в которой влиятельные представители американского истеблишмента Дж. Шульц, У. Перри, Г. Киссинджер и С. Нанн выдвинули программу постепенного глобального ядерного разоружения.

Эта программа уже получила одобрение и у других высокопоставленных представителей политических кругов США; именно она во многом вдохновила Б. Обаму на выдвижение предложений о полном запрещении ядерного оружия. Выступая в Праге 5 апреля 2009 г., президент США, в частности, сказал: «Соединенные Штаты предпримут конкретные шаги к миру без ядерного оружия. Для того чтобы покончить с мышлением в духе «холодной войны», мы сократим роль ядерного оружия в нашей стратегии национальной безопасности, и призываем других сделать то же самое. Но пусть никто не заблуждается: до тех пор, пока существует это оружие, Соединенные Штаты сохраняют надежный, безопасный и эффективный арсенал для сдерживания любого агрессора и гарантирования безопасности наших союзников... Но мы начнем работу по сокращению нашего арсенала» (См.: [17]).

Как указывалось в информационном сообщении Пентагона о подготовке нового «Обзора состояния ядерных вооружений», который в настоящее время готовится министерством обороны США по поручению Б. Обамы, этот документ призван решить следующие задачи:

- продолжение снижения роли ядерных вооружений в американской стратегии национальной безопасности;
- обеспечение эффективности глобального режима нераспространения;
- выработка основных положений для определения национальных целей в области контроля над вооружениями и нераспространения (См.: [16]).

Очевидно, что достижение этих целей невозможно без возобновления процесса контроля над стратегическими вооружениями при самом активном участии России (См.: [12]). Вот почему выработка «Обзора» осуществляется в тесной координации американской переговорной команды на переговорах с российской стороной по выработке нового соглашения по стратегическим наступательным вооружениям. Во многом именно реакция Конгресса (включая и республиканское меньшинство) на «Обзор», который должен быть доложен американским законодателям в феврале 2010 г., предопределяет шансы на ратификацию вышеупомянутого российско-американского соглашения. Но еще до завершения работы над «Обзором» можно констатировать серьезные подвижки в ядерной стратегии новой администрации в сравнении с ядерной стратегией ее предшественницы. При Б. Обаме важнейшим компонентом этой стратегии вновь становятся нераспространение и контроль над вооружениями.

Таким образом, еще до прихода к власти администрации Б. Обамы в американской военной политике начались перемены, которые во многом будут определять и военную политику новой администрации. Во всяком случае, решение нового президента оставить на своей должности министра обороны Р. Гейтса стало четким сигналом о намерении сохранить преемственность с военной политикой Дж. Буша-младшего.

Администрация Б. Обамы, следовательно, не отказалась от *целей* американской внешней политики, как они были сформулированы официальным Вашингтоном после окончания «холодной войны»: сохранение американской гегемонии в мире в любой обозримой перспективе. Меняются лишь *методы* достижения этой цели, в том числе и военно-силовые.

Как отметил шеф Пентагона в своей вышеупомянутой статье, американская стратегия должна сделать ставку на непрямые действия, используя возможности союзных и партнерских государств и их сил безопасности: «Возможности союзников и партнеров Соединенных Штатов могут быть столь же важными, что и наши, и увеличение этих возможностей будет иметь столь же большое значение, что и участие самих США в военных действиях» (См.: [13]).

В соответствии с этой установкой в своей военной политике официальный Вашингтон делает ставку на расширение сотрудничества с союзниками и партнерами, в том числе и с Россией. В этой связи большое значение имел отказ президента США Б. Обамы от развертывания третьего позиционного района, включая радар на территории Чехии и 10 противоракет на польской территории. Это непростое решение, принятое 17 сентября, накануне поездки Д.А. Медведева в США на саммит «большой двадцатки» и встречи там с американским лидером, сняло основное политическое препятствие на пути российско-американских переговоров по заключению соглашения о сокращении стратегических вооружений.

Пересмотр американских планов по развертыванию противоракетной обороны в Европе, о чем было объявлено 17 сентября 2009 г., открывает новые перспективы для российско-американского сотрудничества в сфере ПРО. Министр обороны США в своей статье в «Нью-Йорк таймс» от 20 сентября 2009 г., в свою

очередь, не исключал возможности использования российских радаров в будущей системе ПРО в Европе.

Эта новая американская внешняя и военная политика не гарантирует официально Вашингтону быстрых побед и легких успехов. Пытаясь обеспечить себе поддержку со стороны союзников и партнеров, американская сторона будет вынуждена считаться с их интересами, ощущая себя при этом подчас подобно Гулливеру, которого связали по рукам и ногам лилипуты. Но, как представляется, в многополярном мире у Соединенных Штатов просто нет иного выбора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Батюк В.И.* Новая внешняя политика американских неоконсерваторов // Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние: Материалы IX научной конференции Российской Ассоциации изучения США / Москва, Исторический факультет МГУ, 27—28 июня 2005 г. / Отв. ред. А.С. Манькин, Ю.Н. Роголев, Е.Ф. Язьков. — М., 2006.
- [2] *Володин Д.* Формула главы Пентагона: США разделят своих союзников на три категории // Время новостей. — 2009. — 24 сентября.
- [3] *Крепиневич Э.* Убывающие активы Пентагона: Ослабление фундамента американской мощи // Время новостей. — 2009. — 11 августа.
- [4] *Кэмерон Ф.* Америка глазами европейцев // Международная жизнь. — 2005. — № 1.
- [5] *Рогов С.М.* Вторая администрация Джорджа Буша-младшего // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2006. — № 2.
- [6] *Caldwell W., Leonard S.* Field Manual 3-07, Stability Operations: Upshifting the engine of change // Military Review. — 2008. — July-August.
- [7] *Gentile G.* Let's build an Army to Win All Wars // Joint Force Quarterly. — 2009. — № 52.
- [8] *Nagl J.* Let's Win the Wars We're In // Joint Force Quarterly. — 2009. — № 52.
- [9] National Defense Strategy. — Washington, D.C.: Department of Defense, 2008.
- [10] Network-Centric Operations Case Study. The Stryker Brigade Combat Team. — RAND, 2005.
- [11] *Бочаров И.Ф.* Современные аспекты ядерной политики США // Россия и Америка в XXI веке: Электронный журнал. — 2009. — № 2 // <http://www.rusus.ru/print.php?id=143>.
- [12] *Рогов С.М.* Векторы безопасности 2001 года // Независимое военное обозрение. — 2001. — 12 января // http://nvo.ng.ru/wars/2001-01-12/1_vektor.html
- [13] *Gates R.M.* A Balanced Strategy. Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs. — 2009 // <http://www.foreignaffairs.org/20090101faessay88103/robert-m-gates/a-balanced-strategy.html?mode=print>.
- [14] *Gilmore G.J.* President Signs Defense Authorization Act // <http://www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=56440>
- [15] *Maples M.D.* Current and Projected National Security Threats to the United States // <http://www.dia.mil/publicaffairs/Testimonies/statement26.html>
- [16] NPR Fact Sheets // <http://www.armscontrolwonk.com/2415/npr-roundtable>
- [17] Remarks by President Barack Obama. Prague, Czech Republic. April 5, 2009 // http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/.
- [18] Remarks by the President to the United Nations General Assembly. September 23, 2009 // http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-to-the-United-Nations-General-Assembly
- [19] U.S. Department of State. International Information Programs. 09 January 2002. Special Briefing on the Nuclear Posture Review // <http://usinfo.state.gov>

THE DEFENCE POLICY OF THE NEW AMERICAN ADMINISTRATION

V.I. Batyuk

Institute of USA and Canada Studies
Russian Academy of Sciences
Khlebny per., 2/3, Moscow, Russia, 123995

The defense policy of the Barak Obama's administrations develops along the trends which manifested themselves already under President G. Bush Jr. The troubles Washington faces at the international arena forced the American circles to revoke their unilateral approach to international affairs, paying more attention to interrelationships with allies and partners, and stability operations in the crisis areas.

Key words: international relations, the USA, military policy, security.